

Корреспондент — эпизод 6 из 7

Крякнув и снявши шинель, он помолился на икону и пошел по своим, освещенным лампадкою, комнатам. Во второй и последней комнате он опять помолился иконе и на цыпочках подошел к кровати. На кровати спала хорошенькая девушка лет 25.

Маничка, начал будить ее Иван Никитич, Маничка!

Вввв...

Проснись, дочь моя!

А мня... мня... мня... мня...

Маничка, а Маничка! Пробудись от сна!

Кого там? Че... го, а? а?

Проснись, ангел мой! Поднимись, кормилица моя, музыкантша моя... Дочь моя! Маничка!

Манечка повернулась на другой бок и открыла глаза.

Чего вам? спросила она.

Дай мне, дружок, пожалуйста, два листика бумаги!

Ложитесь спать!

Дочь моя, не откажи в просьбе!

Для чего вам?

Корреспонденцию в Голос писать.

Оставьте... Ложитесь спать! Там я вам ужинать оставила!

Друг мой единственный!

Вы пьяны? Прекрасно... Не мешайте спать!

Дай бумаги! Ну что тебе стоит встать и уважить отца? Друг мой! Что же мне, на колена становиться, что ли?

Аааа... чёррт! Сейчас! Уходите отсюда!

Слушаю.

Иван Никитич сделал два шага назад и спрятал свою голову за ширмы.

Манечка прыгнула с кровати и плотно укуталась в одеяло.

Шляется! проворчала она. Вот еще наказание-то! Матерь божия, скоро ли это кончится, наконец! Ни днем, ни ночью покоя! Ну, да и бессовестный же вы!..

Дочь, не оскорбляй отца!

Вас никто не оскорбляет! Натё!

Манечка вынула из своего портфеля два листа бумаги и швырнула их на стол.

Мерси, Маничка! Извини, что обеспокоил!

Хорошо!

Манечка упала на кровать, укрылась одеялом, съежилась и тотчас же заснула.

Иван Никитич зажег свечу и сел у стола. Немного подумав, он обмакнул перо в чернила, перекрестился и начал писать.

На другой день, в восемь часов утра, Иван Никитич стоял уже у парадных дверей Ивана Степановича и дрожащей рукой дергал за звонок. Дергал он целых десять минут и в эти десять минут чуть не умер от страха за свою смелость.

Чево надоть? Звонишь! спросил его лакей Ивана Степановича, отворяя дверь и протирая фалдой поношенного коричневого сюртука свои заспанные и распухшие глаза.

Иван Степанович дома?

Барин? А где ему быть-то? А чево надоть?

Вот... я к нему.

Из пошты, что ль? Спит он!

Нет, от себя... Собственно говоря...

Из чиновников?

Нет... но... можно обождать?

Отчего не можно? Можно! Идите в переднюю!

Иван Никитич бочком вошел в переднюю и сел на диван, на котором валялись лакейские лохмотья.

Аукрррмм... Кгмбрррр... Кто там? раздалось в спальне Ивана Степановича.

Сережка! Пошел сюда!

Сережка вскочил и как сумасшедший побежал в хозяйскую спальню, а Иван Никитич испугался и начал застегиваться на все пуговицы.

А? Кто? доносилось до его ушей из спальни. Кого? Языка у тебя, скотины, нету? Как? Из банка? Да говори же! Старик?

У Ивана Никитича застучало в сердце, помутилось в глазах и похолодело в ногах. Приближалась важная минута!

Зови его! слышалось из спальни.

Явился вспотевший Сережка и, держась за ухо, повел Ивана Никитича к Ивану Степановичу. Иван Степанович только что проснулся: он лежал на своей двухспальной кровати и выглядывал из-под ситцевого одеяла. Возле него, под тем же самым одеялом, храпел толстяк с серебряною медалью. Ложась спать, толстяк не нашел нужным раздеться: кончики его сапогов выглядывали из-под одеяла, а серебряная медаль сползла с шеи на подушку. В спальне было и душно, и жарко, и накурено. На полу красовались осколки разбитой лампы, лужа керосина и клочья женской юбки.

Чего тебе? спросил Иван Степанович, глядя в лицо Ивана Никитича и морща лоб.

Извиняюсь за причиненное беспокойство, отчеканил Иван Никитич, вынимая

из кармана бумагу. Высокопочтенный Иван Степанович, позвольте...

Да ты, послушай, соловьев не разводи, у меня им есть нечего: говори дело.

Чего тебе?

Я вот, с тою целью, чтоб эк... эк-гем почтительнейше преподнести...

Да ты кто таков?

Я-с? Эк... эк... гем... Я-с? Забыли-с? Я корреспондент.

Ты? Ах да. Теперь помню. Зачем же ты?

Корреспонденцию обещанную на прочтение преподнести пожелал...

Уж и написал?

Написал-с.

Чего так скоро?

Скоро-с? Я до самой сей поры писал!

Гм... Да нет, ты... не так... Ты бы подольше пописал. Зачем спешить? Поди, братец, еще попиши.

Иван Степанович! Ни место, ни время стеснить таланта не могут... Хоть год целый дайте мне и то, ей-богу, лучше не напишу!

А ну-ка, дай сюда!

Иван Никитич раскрыл лист и обеими руками поднес его к голове Ивана Степановича.